
ИСТОРИЯ

УДК 908

В статье рассматривается один из эпизодов в биографии Б. В. Савинкова, в период, когда он был одним из руководителей Боевой Организации партии эсеров.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров; Савинков; революционное подполье.

The article considers an episode in the biography of Boris Savinkov, at a time of his being one of the leaders of the Military Organization of the Socialist Revolutionary Party.

Key words: Socialist Revolutionary Party; Savinkov; revolutionary underground.

В. П. Федюк

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: fediuk@uniyar.ac.ru*

Борис Савинков и «дело Татарова»

Научная статья

V. P. Fedyuk

*P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: fediuk@uniyar.ac.ru*

Boris Savinkov and «Tatarov's Case»

Scientific article

Борис Савинков, без сомнений, может считаться одной из самых неоднозначных фигур в истории русской революции. Революционер и контрреволюционер, министр и подпольщик, писатель и поэт – все он. Политические взгляды Савинкова, его представления о добре и зле неоднократно менялись на протяжении его жизни. Но основы всего были заложены тогда, когда еще совсем молодой Савинков стал одним из руководителей легендарной Боевой Организации партии эсеров.

События, о которых далее пойдет речь, произошли в ту пору, когда в России бушевала Первая русская революция. Короткое затишье, наступившее после «кровавого воскресенья», не могло обмануть ни власть, ни подполье. Но удивительное дело, чем шире и масштабнее становилось революционное движение, тем больше оно оказывалось заражено страшной бациллой провокации. Полицейские осведомители буквально заполнили ряды политических партий. Нередко шпионы шпионили за шпионами, не ведая, что они работают на одно ведомство.

Причины этого явления многообразны. С одной стороны, охранительные органы наконец осознали серьезность проблемы и занялись искоренением революционного подполья, не жалея ни сил, ни средств. Но при всем, несомненно, возросшем профессионализме русских жандармов, объяснить происходившее исключительно таким образом нельзя. Под влиянием имевших место в стране событий к революционным партиям примкнуло огромное количество случайных людей. Большинство из них плохо представляло, с чем им придется столкнуться и не выдерживало испытаний.

Конкретные мотивы сотрудничества с полицией в каждом случае были свои. Многие элементарно поддавались искушению заработать легкие деньги. Случайным осведомителям в Департаменте полиции платили не слишком щедро, но даже 30–40 рублей в месяц были вполне сопоставимы с зарплатой мелкого чиновника. Кого-то к предательству толкала обида. В воспоминаниях жандармского генерала А. И. Спиридовича описан совсем уж курьезный случай: «Один такой

© Федюк В. П., 2015

сознательный бундист* явился раз ко мне, притащил кипу прокламаций и рассказал, в конце концов, что он более двух месяцев разносит по районам литературу, что ему обещали купить калоши, но не купили. Пусть же знают теперь. Обозленность его на обман с калошами была так велика, что я прежде всего подарил ему именно резиновые калоши. И проваливал же он потом своих сотоварищей, проваливал с каким-то остервенением. Вот что наделали калоши!» [1, с. 194].

В конспирации новоявленные подпольщики были, как правило, не сведущи и потому рано или поздно оказывались в руках полиции. Дальше вставал неизбежный выбор – либо провести лучшие годы в тюрьме и ссылке, либо обрести свободу в обмен (и всего-то!) на информацию о своих товарищах. Большая часть соглашалась быть осведомителями, оправдывая себя тем, что они всегда сумеют обмануть глупых жандармов. Многим была памятна история Николая Клеточникова, знаменитого «контршпиона», которого исполком «Народной воли» сумел внедрить в самое сердце Третьего отделения – тогдашнего центра российского политического сыска. Однако с тех времен жандармы стали гораздо умнее, и претенденты на роль «второго Клеточникова» не успевали опомниться, как оказывались связаны по рукам и ногам. Кто-то в отчаянии пытался кончить счеты с жизнью, а кто-то мирился с создавшимся положением и начинал работать на новых хозяев.

После убийства министра внутренних дел В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича Б. Савинков стал считаться одним из руководителей Боевой Организации, мало чем уступавшим ее формальному главе Евно Азефу. Прошли времена, когда Савинков жил в Париже на 7 франков в день, которые еще нужно было выпросить у того же Азефа. Приходилось часами ждать его у дверей знаменитого концертного зала «Олимпия», закладывая в ломбард револьверы и едва ли не побираясь по улицам.

Савинков любил хорошо выглядеть, предпочитал дорогие костюмы, хорошие гостиницы. Близко знавшая Савинкова старая революционерка Вера Фигнер писала, что он был «по широкому вкусу и привычкам — барин, который, быть может, и мог по необходимости и поневоле приспособиться к скучным условиям, в которые

иной раз попадает революционер, готовый на все, но во всяком случае он не любил отказывать себе в чем бы то ни было. В области материальной уж никак в нем нельзя было найти сходства с людьми народнического периода. В самом деле, не смешно ли было с серьезным видом, указывая на голые руки, говорить, что нет денег на лайковые перчатки, чтобы сидеть за столиком на Елисейских полях» [2, с. 164].

Савинкова искала вся полиция империи, а он без страха гулял по Петербургу или Варшаве, не слишком заботясь о том, что его кто-то узнает. Помогло то обстоятельство, что он начал быстро лысеть. Исчезли буйные кудри – остатки волос Савинков отныне стриг очень коротко. В строгом костюме, при шляпе и трости, он выглядел лет на десять старше. Ему нравилось разыгрывать роль холодного джентльмена. Может быть, поэтому он так часто использовал английский паспорт. Савинков даже трубку пробовал курить, но не сумел привыкнуть и вновь перешел на папиросы.

Однако, несмотря на кажущиеся успехи, первые месяцы 1905 г. стали для Боевой Организации тяжелым временем. Случайно и нелепо погиб один из ближайших помощников Савинкова – Максимилиан Швейцер. Он готовил бомбу в специально снятом для этой цели номере петербургской гостиницы «Бристоль», но допустил ошибку, вставляя взрыватель, и сам взлетел на воздух. Спустя две недели, в середине марта, в Москве были одновременно арестованы полтора десятка боевиков, включая Бориса Моисеенко. Провал такого масштаба не мог быть случайным, и в партии заговорили о том, что это результат действия полицейской агентуры, проникшей на самый высокий уровень.

Имя предателя – Николай Татаров (агентурная кличка «Костров»). В революционном движении он принимал участие с начала 1890-х гг. За принадлежность к одному из марксистских кружков Татаров был арестован и сослан в Восточную Сибирь. Большинство ссыльных, проделавших такой путь, в итоге оказывались в глухих таежных деревнях. Татарову удалось осесть в столице края – Иркутске и даже получить денежную должность в коммерческом отделе Забайкальской железной дороги. Свое везение сам он объяснял поддержкой отца, служившего протоиереем в кафедральном соборе Варшавы. Иркутский губернатор

* Член Бунда – Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России.

князь П. И. Кутайсов когда-то служил в Варшаве по жандармской части и знал Татарова-старшего.

Вероятно, именно тогда Татаров и стал агентом осведомителем. По заданию полиции он сблизился с местными эсерами и даже помог им организовать в городе нелегальную типографию. По мере сил Татаров обзаводился полезными знаковыми, самым влиятельным из которых стал член Центрального Комитета эсеровской партии Н. С. Тютчев, срок ссылки которого заканчивался.

В начале 1905 г. Тютчев был освобожден и выехал в Петербург. Татарову оставалось еще около половины срока. Каково же было удивление Тютчева, когда уже через месяц тот появился у него на петербургской квартире. Свое досрочное освобождение Татаров объяснил хлопотами отца. Тютчев ничего не заподозрил и привлек его к партийной работе. В дела Боевой организации Татаров был не посвящен, но какие-то фамилии слышал. Именно от него в Департаменте полиции впервые узнали, что бежавший из Вологды ссыльный Б. Савинков ныне состоит в рядах эсеров.

Савинков и Татаров провели детство в одном городе, учились в одной гимназии, но в лицо друг друга не знали. Их разделяли четыре года разницы в возрасте, а детстве это очень много. Как-то Татаров пришел на квартиру Тютчева, когда у того был Моисеенко. После ухода гостя Татаров спросил: «Это Савинков?» Тютчев ответил отрицательно, но Татаров ему не поверил. По этой причине после мартовского ареста жандармы некоторое время пребывали в убеждении, что им удалось схватить Савинкова [3, с. 105].

Подозрения в адрес Татарова были с самого начала. Он проявлял слишком много любопытства, слишком пытался выдвинуться. Прямых доказательств его предательства не было. В дело вмешались новые игроки. 26 августа 1905 г. к проживавшему в Петербурге члену эсеровского ЦК Е. П. Ростоковскому явилась некая дама, лицо которой было скрыто вуалью. Она передала ему письмо и поспешила удалиться.

Письмо начиналось следующими словами: «Товарищи! Партии грозит погром. Ее предадут два серьезных шпиона. Один из них бывший ссыльный, некий Т., весной лишь вернулся, кажется из Иркутска, втерся в полное доверие к Тючеву... Другой шпион недавно прибыл из-за границы, какой-то инженер Азиев, еврей, называется и Валуцкий...». Пока Ростоковский

в волнении обдумывал, как ему поступить, к нему зашел Азеф, незадолго до этого нелегально приехавший в Россию. Ростоковский показал ему письмо. Азеф прочел, побледнел, но самообладания не потерял. «Т. – это Татаров, а инженер Азиев это я. Моя фамилия Азеф» [4, с. 121].

Автором письма был сотрудник особого отдела Департамента полиции Леонид Меньшиков. Когда-то он, еще совсем мальчишкой, прошел все тот же путь «посвящения в предатели»: не выдержав допроса, дал показания против товарищей по подпольному кружку. Это мучило Меньшикова всю жизнь, и спустя почти двадцать лет он решил попробовать загладить вину.

Об этом стало известно позже, а сейчас эсеровское руководство увидело в письме хитрую провокацию. Главной причиной такого недоверчивого отношения было нежелание бросить хотя бы тень подозрения на Азефа. Но, если Азеф продолжал оставаться вне критики, то Татаров сам напрашивался на то, чтобы отнестись к его поведению более внимательно. В то время он находился в Женеве, где затеял крупный проект, – издание сборника избранных статей из эмигрантской революционной прессы. Сборник должен был быть опубликован в России и мог бы стать настоящей информационной бомбой. Впрочем, до этого вряд ли бы дошло. Вся затея была задумана для того, чтобы укрепить авторитет Татарова в партии, и средств его кураторы из Департамента полиции не жалели.

Как ни странно, но именно на этом Татаров и погорел. Первым забил тревогу Гоц. По его подсчетам, Татаров потратил на подготовку издания более 5 тысяч рублей, причем таких денег у него быть явно не могло. На прямой вопрос об источнике средств Татаров ответил, что деньги пожертвованы известным общественным деятелем В. И. Чарнолуским. Центральный комитет не поленился послать в Петербург специального человека, который выяснил, что никаких денег тот Татарову не давал.

Для расследования «дела Татарова» была создана специальная комиссия, куда вошли Чернов, Савинков, Тютчев и старый народоволец А. Н. Бах. На допросе Татаров постоянно путался, причем в каких-то мало значащих мелочах. Например, он не мог назвать отель, в котором жил в Женеве. Свое сотрудничество с полицией он категорически отрицал. В итоге прямых

доказательств предательства Татарова выявлено не было, но его манера на каждом шагу врать и изворачиваться произвела на комиссию неприятное впечатление.

Вопрос был закрыт окончательно осенью 1905 г., когда по амнистии из тюрем вышли многие революционеры, в том числе и те, кто попал туда в ходе мартовских арестов. Они напрямую указали на Татарова как на виновника своего провала. Центральный комитет партии эсеров принял решение казнить предателя. Привести приговор в исполнение вызвался Савинков. Выследить Татарова оказалось непросто. Через какое-то время выяснилось, что он вернулся в Варшаву и почти безвылазно проводит время на квартире отца.

В конце февраля 1906 г. Савинков в сопровождении нескольких боевиков выехал в Варшаву. Задуманный им план не отличался сложностью. Предполагалось заманить Татарова на заранее снятую квартиру и убить. Выманить провокатора из убежища взялся Савинков. Он, не скрываясь, пришел к Татарову и сообщил, что комиссия получила новую информацию, которая свидетельствует в его пользу. Если Татаров придет туда, где его будут ждать Чернов и Тютчев и еще раз подтвердит свои прежние показания, дело можно будет считать закрытым. Савинков лгал – по указанному им адресу Татарова уже ждали убийцы. Татаров вновь заявил о своей невинности. Он сказал, что настоящий провокатор – Азеф, и это, по его словам, с полной достоверностью выяснил его зять, служащий в полиции. Савинков не поверил – авторитет Азефа в его глазах был непоколебим. Но и Татаров не поверил Савинкову. В обозначенный час он пришел по названному адресу, но заходить в дом не стал и провернул обратно.

Дела не позволяли Савинкову задерживаться в Варшаве. Оставшиеся боевики несколько дней бесполезно дежурили около дома Татарова. Наконец, 22 марта 1906 г. один из них, Федор Назаров, позвонил в дверь квартиры. Ему открыл сам хозяин, которого Назаров попросил пригласить сына. Почувствовав недоброе, хозяин попытался вытеснить гостя на лестницу, но тот упирался. На шум из комнаты вышел Татаров.

Назаров выхватил револьвер, выстрелил, но случайно ранил выбежавшую в прихожую мать Татарова. В маленькой прихожей началась настоящая свалка. Старик отец сумел выбить из рук убийцы револьвер, но тот достал спрятанный за пазухой нож и по рукоятку всадил его в бок Татарову. Назарову удалось скрыться, но и самому ему жить оставалось недолго. Меньше года спустя он был застрелен при попытке нелегального перехода границы.

Террор сам по себе – дело грязное, но случай с Татаровым выходил за любые рамки. Савинков по привычке всех революционеров перекладывал ответственность за сделанное на власть. «К несчастью, там, где существуют военные и военно-полевые суды, революционерам для защиты партии от провокации не остается ничего другого, как прибегнуть к тем же приемам борьбы: судить агентов полиции военно-полевым неформальным судом» [5, с. 229]. Оправдание, прямо скажем, не выдерживающее критики. Конечно, Татаров внушал мало симпатии, но ни один из арестованных по его доносу не был казнен. Участники устранения Татарова мнили себя вершителями справедливости, на деле же были самыми обыкновенными убийцами. Революция незаметно превращала романтиков в безжалостных монстров. Не удивительно, что когда эти искалеченные души волею случая стали вершителями судьбы страны они немедленно утопили ее в кровавом море.

Ссылки

1. Спиридович А. Записки жандарма. М.: Художественная литература, 1991. 268 с.
2. Фигнер В. Н. Запечатленный труд. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. 403 с.
3. Тютчев Н. С. В ссылке. М.: Прибой, 1925. 208 с.
4. Николаевский Б. История одного предателя. М.: Политиздат, 1991. 384 с.
5. Савинков Б. Воспоминания террориста. М.: Вагриус, 2006. 624 с.